

Виктория Токарева

Ничем
не интересуясь,
но всё знаю

Новая
книга
любимого
автора

Издательство «Азбука»

Виктория Самойловна Токарева

Ничем не интересуюсь, но всё знаю

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65425951

Ничем не интересуюсь, но всё знаю: Азбука, Азбука-Антикус; СПб.;

2021

ISBN 978-5-389-19832-6

Аннотация

«Главное не знать, а верить. Вера выше знания. Иначе зачем Богу было создавать такую сложную машину, как человек? Зачем протягивать его через годы, через испытания, через любовь? Чтобы потом скинуть с древа жизни и затоптать? А куда деваются наши слезы, наше счастье, наш каждодневный труд?.. Я всю жизнь чего-то добивалась: любви, славы, богатства. А сейчас мне ничего не надо. Я не хочу ничего. Видимо, я переросла свои желания. Наступил покой как после бомбежки. Бомбежка – это молодость».

Виктория Токарева

Содержание

Карантин	4
Наследство	40
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виктория Токарева

Ничем не интересуюсь, но всё знаю

Карантин

Откуда ни возьмись, пришла эпидемия. Коронавирус. Появилось новое слово: «Пандемия».

Я не испугалась, потому что этот вирус где-то вне меня, как война в Сирии. Однако в телевизоре стали показывать больницу в Коммунарке и врачей, одетых как космонавты.

Коммунарка находится неподалеку от дачного поселка, в котором я живу-поживаю. От моего дома до больницы минут пятнадцать на машине. Если что – знаем, куда ехать. Однако не хочется перемещаться из уютного рая в дом скорби.

В Коммунарке уже обитает певец Лещенко с женой. Наверняка ему создали особые условия пребывания. Мне не создадут. Меня никто не знает в лицо.

Заболел известный кинооператор Валерий Шувалов. Его тоже никто не знает в лицо. Операторов не знают, они по другую сторону камеры.

Валерий позвонил своей подруге режиссеру Алле Суриковой и попросил: «Вытащи меня отсюда. Здесь плохо. Ко

мне никто не подходит. Я умираю».

Алла, верный человек, тут же позвонила главврачу больницы. Представилась, попросила создать условия для Шувалова – он не такой, как все. Он талантливый, знаменитый.

Врач выслушал и сказал: «Перед смертью все равны».

Валерия все же куда-то перевели, но поздно. Он умер.

По телевизору сообщают количество заболевших и умерших. Счет идет на тысячи.

Приходит на память эпидемия гриппа испанка, унесшего Веру Холодную – звезду немого кино. Вертинский по этому поводу написал романс: «Ваши пальцы пахнут ладаном, а в ресницах спит печаль. Никого теперь не надо вам, никого теперь не жаль».

Замечательные слова. В чем содержание жизни: кто-то очень нужен и кого-то очень жаль. А смерть зачеркивает всякую привязанность и сочувствие.

В моем поселке никто не заболел, но я на всякий случай не выхожу за калитку. Сажу за забором. Иногда ближе к ночи выползаю на прогулку. Горят фонари. Пусто, как на луне. Красиво и таинственно. Оживают вампиры и тихо следят из-за деревьев. Выжидают.

Вдоль дороги заборы, скрывающие неслабые особняки, как в Голливуде.

Поселок утопает в деревьях. Преобладают ели, нагоняя мрак. Красиво. Сколько раз уже было так: луна, природа,

красота, – пора привыкнуть и не замечать. Но глаз не замылился. Я каждый раз поражаюсь: велики дела Твои, Господи...

Карантин. Мэр Москвы запрещает выходить из дома.

У меня есть двадцать соток личного пространства. А как же выходят из положения те, у кого нет дачи?

Ко мне приехал родственник. Его цель: поменять зимние колеса на летние. Он держит колеса в моем гараже. Родственник ко мне не подходит, мы соблюдаем дистанцию. Приходится кричать. Я кричу:

– Как дела?!

– Лучше Коммунарка! – кричит он.

У моего родственника двое маленьких детей, жена и собака. Дети визжат, собака лает, жена лезет на стену. Жить в вакууме квартиры – испытание.

Я не чувствую вакуума. У меня достаточно личного пространства, но я испытываю недостаток общения. Оказывается, общение с себе подобными необходимо. Поэтому принято посещать больных. Происходит обмен энергиями. Это что-то вроде сквознячка, свежего воздуха. Необходимо проветривать помещение своей души.

Остается общение по телефону. У меня есть родня и две близкие подруги. Плюс вся страна.

Звонят даже из Америки. Благодарят. Я говорю «спасибо» и замолкаю. Я не знаю, что можно еще сказать незнакомому человеку.

Моя любимая дочь устает от моих телефонных посещений. Я это чувствую. Молодые и старые живут на разных скоростях. Ее тянет вперед, а я – тормоз. Мне кажется, что я все еще молодая, красивая и прогрессивная. Но я ошибаюсь. Я родилась в первой половине прошлого века. С тех пор мир изменился. Пришел интернет и все перевернул.

Изменилась мораль. То, что раньше считалось позором, а именно потеря девственности до свадьбы, сейчас называется «гражданский брак». Это нормально. Выросли, как грибы, гомосексуалисты. Раньше, даже при моей жизни, их сажали в тюрьму (Параджанов, например), а теперь это вошло в моду.

Много чего изменилось, не всегда в лучшую сторону. Бесплатная медицина стала платной, бесплатное обучение стало платным. Лечение и обучение превратились в проблему. Зато упал железный занавес. Мир стал открытым. И выяснилось, что Запад не так лучезарен, как казалось раньше из-за железного занавеса.

Мои подруги – мои ровесницы. Мы дружим всю жизнь. Раньше у меня к ним была куча претензий. Мы выяснялись и ругались. Сейчас – ни одной. Только бы жили, только бы журчал в трубке их драгоценный голос. Они – мой спасательный круг, который держит меня на поверхности океана. А рядом тонет «Титаник» – некогда роскошный в огнях. «Титаник» – это и есть наша жизнь, прежде яркая, непотопляемая в страстях.

Иногда в трубке раздаются мужские голоса. Осколки

прежнего сервиза.

Однажды позвонил незнакомый человек. Представился, намекнул на сватовство. Он вдовец, генерал и мой поклонник с давних времен. Единственное неудобство: у генерала рак поджелудочной железы, но он к нему привык. Зато у него генеральская пенсия.

Я сказала: «Надо подумать», и вежливо попрощалась. Зачем хамить генералу?

У меня поменялись вкусы. Раньше мне нравились мужчины интеллектуальные, высоколобые, желательно лауреаты Нобелевской премии, в крайнем случае, народные артисты. Возраст не имел значения.

Сейчас я с удовольствием слушаю группу «Лесоповал». Меня завораживает солист в блатной кепочке.

В моей жизни никогда не было таких персонажей. Другой круг общения. Не туда смотрела.

Возвращаясь с прогулки, я спрашиваю свою помощницу: «Мне звонили?» Она отвечает: «Никто вам не звонил, никому вы не нужны». Хорошее название для книги: «Никому вы не нужны», типа «Полковнику никто не пишет».

Полковнику не пишут, мне не звонят. Почему? Потому что не нужны.

Не нужны – и не надо. Раньше хотелось жить интересно. А сейчас хочется жить долго. Долголетие – это тоже победа.

Все удовольствия приносит тело: еда, секс, впечатления.

На тот свет уходят без тела, значит, и без удовольствий. Что остается? Верующие говорят: душа. А что такое душа?

Главное не знать, а верить. Вера выше знания. Иначе зачем Богу было создавать такую сложную машину, как человек? Зачем протягивать его через года, через испытания, через любовь? Чтобы потом скинуть с древа жизни и затоптать? А куда деваются наши слезы, наше счастье, наш каждодневный труд?

Чем можно занять себя на карантине? Книги.

Чтение – это пассивное творчество. Но не всякое чтение. Есть книги, которые я читаю по восемь раз, и не надоедают. А есть писатели-классики, которых я не читала, и не тянет.

Лев Николаевич многословен, даже болтлив. У него встречаются предложения в семнадцать строчек. Бунин прочитал Анну Каренину и сказал: «Я бы ее переписал».

Лев Николаевич в восемьдесят лет рванул из дома. Почему?

Варианты: устал от жены. Они все время ругались. У Толстого толпа детей. Всех надо обеспечить. А Лев Николаевич под влиянием проходимца Черткова все свое литературное наследство завещал народу. На месте Софьи Андреевны я бы тоже взбесилась.

Второй вариант: поехали мозги. Но не похоже. Свою прекрасную повесть «Хаджимурат» Толстой написал в семьдесят лет. Он всю жизнь работал, тренировал мозги. Они не

могли отказать.

Третий вариант: судьба. Такова была судьба: умереть на станции Остапово, прожив долгую жизнь. Тогда восемьдесят лет – большой срок. Сейчас – среднестатистический.

Впереди маячит эра ремонта. Научатся выращивать запасные органы – и человека начнут ремонтировать, как машины на станции техобслуживания. Заменять старые, изношенные части на новые.

Это, конечно, из области фантастики. Но и самолет когда-то был фантастикой (ковер-самолет), а теперь это средство передвижения. И страшно представить себе, что когда-то передвигались на лошадях.

Однажды моя внучка-школьница приехала ко мне на выходные. Ей задали внеклассное чтение. Надо было прочитать «Муму» Тургенева и «Кавказский пленник» Толстого.

Моя внучка ленилась читать и требовала, чтобы я прочитала сама, а потом пересказала ей близко к тексту. Я не смела ей противостоять, хотя это неправильно. Я вообще не умею воспитывать детей, проявлять строгость. Идти на поводу легче, чем противостоять.

Я стала читать «Муму». Довольно скучное произведение, как и весь Тургенев, но оно отражало быт и нравы того времени.

Моя внучка должна была написать отзыв о прочитанном. Она написала так: «Герасим был очень приятная особа».

Я сказала:

– Приятная особа – это дама из высшего общества, фрейлина при дворе. А двухметровый глухой, мычащий мужик – это совсем другое и требует другой характеристики.

– Какой?

– Сначала я за тебя читала, а теперь должна за тебя писать.

– Ладно, – согласилась внучка. – Я не буду писать.

– А как же задание? – встревожилась я.

– Дурак этот Герасим. Пошел и утопил любимого щенка. Я бы на его месте забрала собачку и ушла от барыни. Щенок лучше барыни. Почему нужно подчиняться плохому человеку?

– Тогда было другое время, – объяснила я. – Крепостное право.

Дальше настала очередь «Кавказского пленника». Герои рассказа Жилин и Костылин были взяты в плен и сидели в одной яме. Что значит сидеть в яме? Пленные там ели, спали и ходили в туалет. Скотское существование. Но они не утратили уважения и обращались один к другому на «вы».

От рассказа веяло гениальностью. Что такое гениальность? Это особая энергия, которая завораживает и подчиняет.

Гениальность требует служения, поэтому Лев Николаевич писал всю жизнь и создал несметное количество страниц. Ему было не трудно. Душа не могла насытиться. Так мать обслуживает своего родившегося ребенка.

Я достала девятый том Чехова.

Чехов беспристрастен. Он на стороне природы, а природе все равно, что происходит, – убийство или зачатие. Пусть каждый сам выбирает, чем ему заняться – первым или вторым.

В юности Чехов – мой Бог. Но возраст меняет сознание. То, что раньше потрясло, кажется наивным.

Я начинаю читать повесть «Рассказ неизвестного человека». Улетаю в пространство рассказа. Все так же, как и прежде, Чехов по-прежнему мой Бог.

На моей прикроватной тумбочке лежат очки и второй том Сергея Довлатова. В этом томе мои любимые сочинения: «Зона», «Заповедник», «Наши».

Сергей Довлатов умер в сорок девять лет. Чехов – в сорок четыре.

У Антона Павловича была наследственная чахотка, которая передавалась по мужской линии. Брат Ванечка умер в тридцать лет. Сестра Мария Павловна жила чуть ли не до ста.

Сергей Довлатов умер в машине скорой помощи. Санитары-мексиканцы понятия не имели, кто перед ними. Его привезли в больницу, но больница не приняла из-за отсутствия страховки. Пришлось везти в другую. Не довезли.

Как это жестоко и цинично: неужели деньги важнее целой жизни, и какой жизни?..

Довлатов не дожил до пятидесяти, потерял свою старость. А старость тоже нужна – подведение итогов. Но все же самое основное – четыре тома прозы – Довлатов успел написать.

Какой-то серьезный критик сравнил Довлатова с Достоевским. Это высокая оценка. Можно сказать, высшая.

Хочется вернуться к Чехову. Ранний Чехов писал под псевдонимом Чехонте. Этот период для Чехова как гаммы для начинающего пианиста. Пианист разрабатывает руку, набирается мастерства.

У писателя тоже свои гаммы. Чехов не мог сесть и сразу написать «Даму с собачкой». Потребовалось пять томов Чехонте.

Я недавно чистила шкафы, выгребла свои ранние рассказы. Набралась спортивная сумка. Читать невозможно. Из этих ранних строчек не проглядывался будущий писатель. Так, кое-где. Например, фраза «цыпленок с длинной, дряблой шеей был похож на спившегося орла»...

Чехонте стал Чеховым после того, как у него началось кровохарканье. Близкая смерть обостряет все, что заложено в человеке. Как писал Высоцкий: «Растет больное все быстрее...»

Ялтинский период Чехова – это его вершина. Невозможно себе представить, что автор ранних юморесок и автор повести «Мужики» один и тот же человек.

Пьесы Чехова – влияние Ольги Книппер. Она была актри-

са. Заинтересована в репертуаре театра.

Книппер жила долго, как черепаха. Она умерла в 1959 году. Мне тогда было двадцать лет. Мы могли бы пересечься при определенных обстоятельствах. Я приехала бы в Ялту и посетила бы чеховский дом, в котором проживали Мария Павловна и Ольга Леонардовна – сестра и жена Антона Павловича.

Чехов долго не женился. Длительный роман был у него с Ликой Мезиновой. Она была красивая и обожала Антона Павловича. Он любил, но предложение не делал, тянул kota за хвост. Лике надоело, и она сошлась с Игнатием Потапенко, тоже писателем. Писал много, но плохо. Они творили в одно время, но Чехов – классик, а Потапенко никто не помнит.

Этот любовный треугольник Чехов отразил в «Чайке». Лика – Нина Заречная. Потапенко – Тригорин. Однако Тригорин в пьесе – хороший писатель, а Потапенко – плохой. Деньги зарабатывал. Деньги были нужны. Жил на две семьи.

Судьба Лики не сложилась. Чехов от Лики отошел, Потапенко не женился. Бедная Лика села между двух стульев. В конце концов она вышла замуж за режиссера Санина и уехала во Францию. Умерла в Париже. Похоронена на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где упокоены все русские. И Андрей Тарковский в том числе. Все рядом, на расстоянии вытянутой руки. Всё вмещается в двадцатый век.

В конце жизни Чехов женился на Ольге Книппер, которая играла в «Трех сестрах». Почему он не женился на Лике, а на Ольге – легко? У него уже не оставалось времени на раздумье, болезнь поджимала. К тому же у Ольги был талант, амбиции, материальная независимость. А Лика только «люблю люблю...». На одном «люблю» далеко не уедешь. И красота не поможет. К красоте быстро привыкаешь. Ольга имела постоянного любовника Немировича-Данченко. За глаза его звали «Невмерович Вральченко». Книппер понимала, что этого коротконового Данченко не сдвинуть с места. Он был крепко женат. А стареть в любовницах обидно и унижительно.

Чехов женился за четыре года до смерти. Он умер в сорок четыре года. Ольга сопровождала его на лечение в Германию, но что за радость от умирающего? В Германии Ольга Леонардовна сделала себе зубы, не теряла времени даром.

Сестра Чехова, Мария Павловна, замуж не вышла. В молодые годы она была влюблена в Бунина, но безответно. Бунин не ответил взаимностью, поскольку Маша низкого сословия, а Бунин – дворянин. До старости Чехов не дожил. В Россию его гроб привезли в вагоне, в котором переправляли устриц. Кто-то из современников был возмущен этим обстоятельством. Дескать, Чехов ненавидел пошлость, а столкнулся с нею лоб в лоб, даже после смерти. Глупости. Нужен был холодный вагон, и только. При чем здесь пошлость?

Революция заставила многих творцов разменять свой та-

лант на пятки, а многих просто убила. Как бы выдержал Чехов этот режим? Размениваться бы не стал. Сидел бы в Ялте, разводил цветы.

Какие развлечения в карантине? Телевизор.

Молодежь телевизор не смотрит, они сидят в интернете. А третий возраст с удовольствием поглощает телевидение. В нем можно найти духовный корм и травоядным и хищникам.

Я стараюсь не пропустить интервью с Познером. Ему дают поздние часы, но кто хочет, тот дождется.

Владимир Познер – для думающих людей. Думающих меньшинство, поэтому Познеру выделяется неудобное время, большинство уже спит.

Итак, Познер. Голубая рубашка, голубые глаза, перстень на пальце, хорошие зубы – дорогая стоматология. Красавец.

Ему восемьдесят шесть, но Познер не старик. Он вполне сексуален. У меня есть знакомая. Она старая, глупая и некрасивая. При этом милая баба. Так бывает. Она мне говорит:

– Я бы за Познера вышла замуж.

Я отвечаю:

– Ждет он тебя. За ним студентки бегают.

– Какие студентки?

– Молодые, умные и хорошенькие.

Про студенток я ничего не знаю. Просто я люблю передачи Познера. Он вытаскивает для интервью интересных людей и через них открывает горячие проблемы сегодняшней

жизни. Иногда собеседник ему неинтересен, но Познер никогда это не обнаруживает. Европейское воспитание.

Однажды его собеседником стал Эдуард Лимонов. Лимонов говорит образно и точно. Он сказал про Януковича: «Плохой политик, совсем плохой. Ну прямо как корова». Я тут же представила себе жующую корову, неповоротливую и тупую. Сравнение политика с коровой неожиданное, но точное.

Довлатов определил Лимонова как ничтожную личность. Эдичка не вызывает уважения. Чего нет, того нет. Уважения нуль. Презрения – море. Но при этом Эдичка Лимонов Большой писатель.

В его тексте пятьдесят процентов матерных слов, но они не мешают. Мат – это краска, которой Эдичка пишет свои полотна.

Он родился в Дзержинске Горьковской области. Детство и юность провел в Харькове, в районе, который называется Салтовка. Салтовка – дно, как Гарлем в Нью-Йорке. Настоящая фамилия Эдички – Савенко. Лимоновым он стал позже.

Из Салтовки Эдичка перебрался в Харьков с помощью первой жены Анны Рубинштейн. Из Харькова в Москву. Дальше Америка, Париж. Эдик хотел завоевать мир. В какой-то степени ему это удалось. Роман «Это я – Эдичка» стал бестселлером. Пронзительная история о любви и о потере любви. Так, как Эдичка, об этом еще никто не писал.

Что такое писатель? У писателя нет настоящей власти.

Настоящая власть – в политике. Лимонов создал свою партию – «национал-большевистскую», сокращенно «нацбол». Захотел реставрировать Советский Союз. В социализме была однообразная еда, одежда и мебель. Но люди как-то спаяны, собирались на кухне. А теперь разбежались по углам, как собаки, и лают каждый из своего угла.

Эдичка хотел вернуть социализм с добавлением фашизма. Например: Россия – для русских. А остальных куда? Сталин и Гитлер знали куда. В рядах «нацболов» была в основном невостребованная молодежь: учиться не хочется, гормоны хлещут. Куда податься? Только в революцию под знамя Эдички.

Эдичка был женат шесть раз. Первая жена – Анна Рубинштейн. С ее помощью Эдичка перебрался из Салтовки в Харьков. Далее они вместе переехали в Москву, где Анна покончила с собой. Сошла с ума. Причин несколько. Первая – психическое нездоровье. Вторая – Эдичка. От него кто угодно сойдет с ума.

Анна была старше мужа на шесть лет, с фигурой «как мыльница». Эдичка хорошо к ней относился, но как женщина она его не интересовала.

Зарабатывал Эдичка шитьем. Шил брюки. Это был еще один его талант. Если бы Эдичка шил брюки в Париже, то Пьер Карден нервно курил бы в углу.

У меня была подруга, она носила потрясающие брюки

цвета топленого молока. Надо отдать должное: у подружки была превосходная задница. Все вместе – брюки и задница – производили неизгладимое впечатление. Я спросила:

– Откуда у тебя эти брюки? Где ты их достала?

– Лимонов сшил.

– А кто это?

– Поэт. Стихи пишет.

Эдичка стал шить еще в Харькове, поскольку надо было на что-то жить. Анна Рубинштейн говорила ему: «Эдька, давай мы тебя обрежем...» Шитье – исконно еврейское занятие.

Эдичка жил в еврейской семье. Он говорил так: «Как хорошо, когда среди народа живет еще один народ».

Это правда. В моем поселке работают таджики. Ровно в четыре часа они стелют на землю легкий коврик, встают на колени и молятся. Смотреть на это очень приятно. Таджики не пьют, молятся и работают. Я могу повторить за Эдичкой: «Как хорошо, когда среди народа живет еще один народ».

Вторая жена Эдички – Лена, – модель и поэтесса. Ее девичья фамилия Козлова, поэтому ее звали Ленка-козлик.

Эдичка встретил ее и сошел с ума: юная, прекрасная, дорогая штучка. Она приходила к нему в съемную комнату, где-то в районе Новодевичьего монастыря, и они яростно совокуплялись. Страсть, ненасытность друг другом, любовь, в конце концов. Лена являлась с маленькой белой собачкой, это был шпиц. Бедный шпиц наблюдал сцену соития и нервно повизгивал. Ему тоже хотелось быть не свидетелем,

а участником.

Лена влюбилась. Бросила мужа. Для Эдички это была первая победа над Москвой: мальчик из Салтовки, вор и шпана, уводит самую красивую девушку Москвы.

Лена писала интересные стихи, но на них никто не обращал внимания. Впереди Лены бежали ее сексуальность и власть над мужчинами. Она любила секс превыше всего, была предана сексу. Это главный смысл и главное наполнение ее жизни.

Эдичка и Елена решили, что им подвластен весь мир, они эмигрировали в Америку. Талантливые, красивые, наглые, уверенные в себе, они там никому не были нужны. Потекла бедная, безденежная, унижительная жизнь. Им оставалась только постель, но и это надоедает, в конце концов. Секс хорош как дополнение к интересной жизни, а не как самоцель.

Лена бросила Эдичку, стяхнула, как сопли с пальцев. Под конец сказала ему: «Ты – ничтожество».

Утрата любви для Эдички стала катастрофой. Он резал вены. Раны гноились. И чтобы как-то задержаться на этом свете, за что-то уцепиться, он написал роман «Это я – Эдичка». Страдания стали пусковым механизмом.

Эта книга о потере любви – искренняя, пронзительная, честная, нескромная. В книге много мата, но Эдичка Савенко – низкое сословие, чернь. Он и должен материться, и ему это нравится. Он так мыслит. Но не только. От книги поднимается большой талант, радиация таланта мощная.

Эдичка развратен, да. Но «талантливый человек в России не может быть чистеньким» (слова Чехова).

В дальнейшем Ленка-козлик вышла замуж за высокородного и богатого. Кто-то из знакомых видел его и рассказал, что на этом высокородном был пиджачок с бесчисленным количеством мелких пуговичек и сам он маленький и щуплый, как подросток. Больше ничего примечательного.

Третья жена Лимонова – Наташа Медведева, писательница и певица, можно добавить – алкашка и наркоманка.

Я познакомилась с ней в Париже на какой-то дурацкой писательской сходке, именуемой «фестиваль». Все эти писательские собрания – не что иное, как пустое времяпрепровождение. Они никому не нужны и ничего не дают. Талант как деньги: или он есть, или его нет. И никакие фестивали не помогут.

Ко мне была приставлена переводчица Наташа Медведева – высокая, красивая, каблуки двадцать сантиметров. По обуви можно было распознать русских. Француженки ходили исключительно в кроссовках. Заботились об удобстве, поскольку надо было много ходить. А русские жертвовали всем, лишь бы понравиться. Передвигались практически на цыпочках. На шпильках ноги длиннее, значит, больше шансов для знакомства.

Наташа сообщила мне, что она жена Лимонова. Я изобразила восторг и удивление, что соответствовало действитель-

ности.

– Я тоже написала книгу, – сказала Наташа, приравняв себя ко мне.

– Как называется?

– «Мама, я жулика люблю».

Название мне понравилось. Это первая строчка блатной песни. В Наташе было что-то блатное, отнюдь не писательское. Она работала певичкой в русском кабаке. Ее дружок цыган в порыве ревности потыкал ее лицо отверткой. Никаких следов не осталось. Французская медицина. А может, легко потыкал, поверхностно.

Однажды Эдичку познакомили с парижанкой средних лет. Для чего? Чтобы он какое-то время пожил за ее счет в обмен на сексуальные услуги. Эдичка был альфонс, к сожалению. Выживал, как мог. А может, и не к сожалению. Он был ТАКОЙ.

Эдичку привели в гости к этой женщине. Она была вполне мила и вполне интеллигентна. Но Эдичка вдруг вспомнил горячие щеки своей Наташки. Он страстно захотел ее увидеть и не стал задерживаться в гостях. Сказал, что у него дела.

Парижанка обиделась, но не показала виду. Единственно, слишком скоро отняла руку, прощаясь. Точная деталь.

Эдичка отправился к Наташе Медведевой. Она жила где-то на чердаке. Пришлось подниматься по железной лестнице.

Наташа открыла ему и сказала:

– Я не одна.

Эдичка вошел. Его ничто не могло удержать.

– Что, ... захотелось? – спросила Наташка. Она все вещи называла своими именами. Полная свобода, никаких тормозов.

В Париже у них не было никаких перспектив. Перебрались в Москву.

Я увидела Наташу случайно по московскому телевидению. Она пела с каким-то второсортным ансамблем и любила ударника, о чем сообщила всему свету.

Эдика она бросила. Отзывалась о нем с пренебрежением, как и Ленка-козлик.

А Эдик Наташу любил. Она умерла рано, в сорок четыре года, что естественно при таком образе жизни. Лимонов посвятил ей стихи, в которых была фраза «мертвая моя»... В этих словах скорбь и любовь. Не везло Эдичке с красивыми женщинами. Причина – его выбор. Ему были неинтересны женщины обычные, порядочные. С ними скучно. Ему нужен был хаос, потому что он сам оттуда, из демонария.

Были еще две промежуточных жены: Елизавета Блезе и Настя Лысогор – школьница. Этих двух малолеток Эдичка заметил своим похотливым глазом и выхватил из армии нацболов. Полудети. Лолиты. А Эдичка – распутный старец, Гумберт. Разница с Настей Лысогор – сорок лет. Не он пер-

вый, не он последний. Живет одним днем. А зачем смотреть вперед? Если смотреть вперед, можно увидеть хвост кобылы, везущей за собою чей-то гроб.

Лена-козлик была недовольна появлением Наташи Медведевой. Несмотря на выгодное и вполне удачное замужество, она хотела остаться единственной музой Эдички. Все же Эдичка не просто эмигрант, а известный писатель, автор скандального романа, в котором он воспел ее прелести, называя все своими именами. Лена-козлик хотела славы, и она ее получила благодаря Эдичке. Слава сомнительная, но лестная. Эдик выделил Лену из толпы.

Наташа Медведева отодвинула Лену в прошлое. Это обидно. Эдичка оказался полигамным, как все мужчины.

Шестая жена Эдички – Катя Волкова, актриса, красавица. Она его тоже бросила.

Была сцена ссоры, когда Эдичка стал метать в жену стеклянные фужеры. Мать Кати сказала:

– Эдуард, вы ведете себя как хулиган, я вызову милицию.

Салтовка лезла из Эдика, несмотря на известность, на собственную партию, «национал-большевистскую».

Напрашивается пословица «Черного кобеля не отмоешь добела».

Катя Волкова родила Эдичке двоих детей. Не побоялась. Это вызывает уважение и благодарность. Пусть хоть что-то

останется от Эдички кроме книг. Пусть живет на земле частичка его плоти.

Потерпев очередной крах с Катей, обиженный Эдичка сказал: «Взрослая женщина имеет опыт, как побитая собака. Надо брать щенков».

Эдик перешел на щенков, то есть на юных девочек. Онзнакомился с ними по интернету. Как правило, они приезжали из Ленинграда. Эдичка встречал поезд рано утром. Возле него шла охрана. Можно себе представить: шесть часов утра, сумрак, угольный запах поезда. Престарелый Эдичка, на Украине говорят «пидстарковатый», идет на охоту, натянув поглубже шапку. Маскируется.

Встретив жертву, ведет ее в свою съемную квартиру, находящуюся в промзоне, в Сыромятниках. Далее он угощает подружку жареным мясом и дешевым вином и тут же, без пауз и безо всяких увертюр, ведет в спальню, и так далее и тому подобное.

Я не ханжа, но я не понимаю, зачем столько хлопот пожилому человеку?

Мне кажется, что Эдичка Лимонов слегка ку-ку. В юности он резал себе вены. Он пишет об этом в своей повести «Молодой негодяй». Эдичка обнажил вену, потом отвернул лицо и провел бритвой. Фонтан горячей крови омыл его щеку.

Эдичка попал в психушку, поскольку все самоубийцы – клиенты данного заведения. Нормальный человек не пося-

гает на свою жизнь. Работает инстинкт самосохранения. А если не работает, значит, психика нарушена.

Второй раз Эдичка резал вены в Нью-Йорке, когда от него ушла Елена прекрасная.

И если посмотреть на всю жизнь Эдички, включая его «национал-большевизм», – все это одно большое ку-ку.

Нацболы – члены партии Лимонова – состояли в основном из молодежи. Оголтелый молодняк, не знающий, чем заняться, никому не нужный. Сила есть – ума не надо. Одна из политических акций – протест: Никита Михалков. Нацболы забросали его сырыми яйцами. Чем кончилось? Люди Никиты отловили революционеров и набили им морды, уже не яйцами, а кулаками. Еще одна акция протеста: захват какой-то канцелярии. Положим, захватили. А что дальше? Остались там жить? Все кончилось тем, что партию разогнали, Лимонова посадили, движение запретили.

Эдичка привык к любым условиям пребывания. Отсидел какое-то время и вышел. За ним постоянно следовал его талант. Эдичка писал свои книги. Талант был больше Эдички.

Во время интервью с Познером Эдик не знал, куда девать руки, клал перед собой, как школьник за партой. Иногда сдвигал в сторону. Был слегка раздражен и высокомерен. Познер смотрел на него с осторожностью.

Это было последнее интервью Эдички и последний месяц

его жизни. Он умирал. Рак горла. Ему было трудно, практически невозможно, есть и разговаривать. Эдичка завещал похоронить себя в закрытом гробу, поскольку он похудел и плохо выглядел.

Эдичка считал, что его похороны повторят похороны Сталина, все человечество отправится проводить его в последний путь. Он ошибся. Пришла небольшая толпа. Если быть точной, триста пятьдесят человек. Присутствовали обе жены: Лена, вся в белом, и Катя, вся в черном. Как белая лебедь и черная. Эдичка был бы доволен.

У Познера Эдичка отстаивал свою правоту, но кому она нужна? Рак все сожрет – и правоту, и ошибки, и чувства.

Однажды Эдичка повез в Салтовку одну из жен, знакомить с родителями. Родители еще были живы.

Салтовка не изменилась, Эдик с ужасом глядел на свое убогое жилище и думал: «Какой был бы ужас, если бы здесь прошла вся моя жизнь...»

Талант и характер протащили Эдичку по всему земному шару: Харьков, Москва, Америка, Париж, Сербия, тюрьма, больница и в заключение Троекуровское кладбище. На могиле – крест и его настоящее имя: Савенко Эдуард Веняминович. Он прожил семьдесят семь лет. Путь его был нелегок, извилист, но Эдичка познал и славу, и любовь. То и другое он ел полной ложкой.

Эдик не оставил после себя ничего материального: ни

квартиры, ни денег. Он был революционер чистой воды.

После Эдички остались дети и книги. Книги – талантливы. Дети – прекрасны.

Телевидение – великое изобретение человечества. Там можно найти все, что угодно для души.

Я очень люблю канал «Живая природа». Я узнаю, как живут пингвины, как они оберегают потомство.

О слонах я узнала: для них очень важна дружба. Иногда слон выбирает человека, и тогда этот человек работает при слонах. Они не могут друг без друга. Настоящая, безграничная преданность.

Оказывается, хобот – это нос, сросшийся с верхней губой. Вопрос: зачем слону хвост? Ответ: чтобы слон не кончался внезапно.

Слон вполне уродлив: уши – лопухи, маленькие глазки, хобот. И тем не менее слон гармоничен. Его походка изящна, несмотря на пять тонн веса. По глазам видно, что слон умен. По некоторым данным, айкью слона соответствует среднему айкью семилетнего ребенка. И не дай бог слона разозлить. Затопчет.

Однажды была передача о волках. Волковед Бадридзе рассказывал о волчьих стаях. Бадридзе редко бывает дома, поскольку все время проводит в лесу, наблюдая за волками. Жена не стала с ним жить. Что за радость жить с человеком, которого никогда нет и которому волки интереснее, чем лю-

ди?

Бадридзе рассказал, что творится в стае, когда погибает ее член, особенно молодой волчонок. Какое горе, какой вой. Если бы люди это знали, никогда бы не подняли руку на волков. Волчья пара верна друг другу. В них много человеческого, когда хотят жрать – нападают.

Мы понятия не имеем о волчьей жизни. А это целая цивилизация.

У птиц своя отдельная жизнь. Они летят в теплые края в тридевятое царство, набивая костяные мозоли. Потом возвращаются обратно. Все непросто. Видимо, легкой жизни нет ни у кого. Я заметила: приземляясь, птицы выдвигают вперед ноги, как самолет шасси. Люди многое заимствуют у природы.

Камеры крупно снимают черепаху. У нее некрасивое лицо. Она таскает на себе свой дом. С одной стороны удобно, далеко не надо ходить. Голову втянула – и дома. А с другой стороны – непосильный груз, и его невозможно сбросить. С костяным панцирем не побежишь. Можно только ползать. Неудобства преобладают. Зато черепаха живет триста лет, в отличие от всех остальных, кто может бегать, прыгать и летать. Так что у черепахи свои козыри.

Хотела бы я жить триста лет? Конечно. Согласна все это время таскать на горбу неподъемную ношу? Согласна.

Второй канал каждый вечер показывает Владимира Соло-

вьева.

В политике я не разбираюсь и не хочу вникать, потому что от меня ничего не зависит.

Владимир Соловьев умен и ловок. Ему верят и не верят, в зависимости от того, кто слушает. Доверчивые – верят. А те, кто поумнее, – сомневаются.

В студии Соловьева – разнообразные личности. Я выделяю Карена Шахназарова. Карен врать не будет. Он зарабатывает творчеством, поэтому независим. Его отец был видный политик Георгий Шахназаров. Карен унаследовал от отца способность к анализу. Он выражает свое мнение просто и доходчиво, никогда не орет как на базаре. Остальные вдохновенно вопят. Нет уверенности в себе. Считают: чем громче, тем убедительнее.

Карен красив. Я помню его молодым. Сейчас он мне нравится больше. Возраст ему идет.

Включив передачу с Соловьевым, я первым делом смотрю: мелькает ли в студии изящная седая голова Карена? Если нет, сразу переключаю. А если на месте, терпеливо жду его очереди. Дождавшись, впиваюсь глазами в экран. И внемлю. Должна же я быть в курсе событий своей страны.

Появилось новое имя: журналист Юрий Дудь. Молодой, ничего не боится. За спиной – крылья.

Я посмотрела его интервью с Никитой Сергеевичем Михалковым. Никиту голыми руками не возьмешь. Дудь наско-

кивал, как кузнечик, но Никита отщелкивал его двумя пальцами, как таракана.

Смотреть было очень интересно. Столкнулись молодость и зрелость. Никите – семьдесят пять лет, но стариком его не назовешь. Талантливый и богатый мужчина старым не бывает.

Юрий Дудь задавал неприятные вопросы, касающиеся фильма «Утомленные солнцем-2». Я не видела этого фильма, но слышала сдержанные отзывы. Творец не обязан работать ровно. Случается кривая: вверх и вниз, как кардиограмма. Даже сердце не работает ровно, а с перебоями.

И еще: с возрастом мозги не становятся лучше. Если посмотреть поздние фильмы мастеров, все они уступают ранним. Например: «Карнавальная ночь» Рязанова и «Карнавальная ночь-2», вышедшая не так давно. Небо и земля.

Гайдай вообще замолчал. И даже старый Феллини не мог вернуться на круги своя. В старости он снимал рекламу на тему: храните деньги в банке.

Талант дает Бог, и Он же забирает, никого не спросив.

Никита Сергеевич Михалков высказал это же мнение: талант не принадлежит человеку бессрочно.

Дудь сидел перед мастером, молодо задрал ногу, худой и гибкий и бесстрашный, с крепкими белыми зубами, как у волчонка.

Поединок кончился вничью. Никто не проиграл. Все были на уровне. Глядя на молодого журналиста, начинаешь верить

в будущее своей страны. Есть на кого оставить.

Россия не оскудевает талантами. Во всех областях. И в музыке, и в политике, и в литературе. Кто-нибудь, да появится. И уже наверняка родился Лев Николаевич Толстой и великий реформатор Столыпин.

На некоторые вопросы Михалков отвечал уклончиво. Иногда врал, и правильно делал. Необязательно знать все. Должна быть дистанция между художником и толпой.

Канал «Культура» показывает чеховскую пьесу «Дядя Ваня», поставленную разными театрами, разными режиссерами и в разное время.

Режиссеры не слабые: Георгий Товстоногов, Лев Додин, Андрей Кончаловский, Олег Табаков. У каждого свое видение.

Может быть, телезрителям это неинтересно: изо дня в день смотреть одну и ту же пьесу. А мне интересно. Для меня эти спектакли пир духа (выражение Горбачева). Над Горбачевым смеялись. Произносили одним словом «пирдуха». Простоватый был мужик, Михаил Сергеевич.

Главные герои пьесы: дядя Ваня Войницкий и доктор Астров.

Астров – прототип Чехова: доктор, сажает леса, думает о будущем.

Дядя Ваня – интеллигент, живущий не так и не тем. Служит ложным идеалам. И прозревает запоздало. Это прозре-

ние драматично. Треплев в «Чайке» стреляется. Дядя Ваня близок к самоубийству.

У Товстоногова дядя Ваня – Басилашвили. Астров – Кирилл Лавров.

Полное впечатление, что эти персонажи пришли на сцену из времен Чехова. Вторая половина девятнадцатого века. Они такими и были. Я верю всему, что происходит на сцене.

Дяде Ване сорок семь лет, и Басилашвили столько же. Он красив, умен, но пораженец.

Существует термин «синдром отложенной жизни». Это про дядю Ваню. У него именно отложенная жизнь, и другой не будет. Дяде Ване сочувствуешь всем сердцем. Его жалко и жалко себя. Потому что почти у каждого – отложенная жизнь.

В «Табакерке» героев играют Борис Плотников и Дмитрий Назаров. Плотников – дядя Ваня. Он лысый, некрасивый, необаятельный. Понятно, что героиня (Зудина) не может его полюбить, не может обнимать эту голову, лысую, как апельсин. Елене скучно слушать его признания.

Дмитрий Назаров – совсем другой Астров. Он высокий, широкий, как шкаф, но настоящий мужик. От него веет силой. Назаров очень убедителен. В чем-то он интереснее, чем Астров у Товстоногого. Лавров слегка картонный, а Назаров – живой. Легко понять Елену, которая «влюбилась немножко». Она так говорит, а на самом деле влюбилась по уши.

Постановка Андрея Кончаловского в Малом театре. Герои: дядя Ваня – Деревянко, Астров – Домогаров. Деревянко – замечательный актер, пластичный, востребованный. Но Деревянко – не дядя Ваня. Скорее – батька Махно, которого он играл в сериале. Деревянко моложе дяди Вани, у него совершенно другой характер, и он не может после всего, после пережитой трагедии, писать в амбарной книге: гречневая крупа – шестнадцать килограммов, подсолнечное масло – десять литров. У Деревянко гибкая молодая фигура, большие черные глаза, как у цыгана, пылающие страстью, – все это не вяжется с образом сломленного интеллигента.

Что касается Астрова-Домогарова – тоже мимо.

У Чехова Астров пытается соблазнить Елену (актриса Вдовина). Он ею восхищается, говорит: как она прекрасна. Что делает Домогаров? Он заваливает Елену и лезет ей под юбку, и бедная Вдовина сидит с растопыренными ногами, видны ее розовые панталоны.

Кончаловский решил ввести в пьесу краски современности. Возможно, кому-то это понравилось. Все-таки Кончаловский большой режиссер. Сою играет прелестная Юлия Высоцкая. Соня – племянница дяди Вани. Это очень выгодная роль, ей есть что играть. В конце пьесы Чехов пишет смирение, но Высоцкая играет тихую истерику. Кончаловский настойчиво внедряет что-то свое, хочет взломать стереотипы.

Театр Вахтангова. Постановка Римаса Туманиса. Дядя Ваня – Маковецкий, Астров – Владимир Вдовиченков. Вдовиченков такой же, как в телевизионных сериалах. Вышел из сериала, переделся в костюмерной, и вот – Астров. Вариант неплохой, но не чеховский.

Маковецкий – это особая история.

Маковецкий – великий актер современности. Он останется в людской памяти. Время его не смоеет. В конце спектакля дядя Ваня сломлен. Римас Туманис нашел потрясающий ход. Дядя Ваня сломан, как кукла, и Соня (Евгения Крегжде) ставит на место его руки, как бы собирает по частям. Маковецкий садится за стол, как робот, и пишет: шестнадцать килограммов гречки, десять литров подсолнечного масла... Да, он продолжает жить, но это тело без души.

Незабываемо...

Поразительно, как живуч Чехов. Он умер в тысяча девятьсот четвертом году. Больше ста лет назад. А его пьесы ставят все театры, и тема до сих пор современна: отложенная жизнь.

Все это про нас сегодняшних. Вечная тема.

«Первый канал» запускает мыльную оперу: любовная история Армена Джигарханяна. Народ прилипает к экранам, как будто показывают «Семнадцать мгновений весны». Это был первый в России сериал, поставленный гениальной Татьяной Лиозновой. Татьяну никто не знает. Все знают Штир-

лица и Мюллера.

Сейчас показывают историю любви Армена Джигарханяна. Сплетнический материал, а сплетни интересны всем, поскольку заменяют людям творчество. Сплетни – это анализ, а анализ – составная драматургии.

Итак, на экране Армен Джигарханян и его подружка Виталина Цымбалюк-Романовская.

Армену восемьдесят пять лет, дремучие седые брови, крупные вставные зубы. Знакомый голос. Обожание народа.

Виталина – молодая, изящная блондинка, локоны, невозмутимое лицо. Нарядная фамилия: Цымбалюк-Романовская, что-то вроде Миклухо-Маклай или Лебедев-Кумач.

Миклухо-Маклай, путешественник, открыл новые земли. Лебедев-Кумач оставил людям хорошие песни. А что дала Виталина человечеству? Ничего. А лично Армену – свои молодые объятия. Это немало, но никого, кроме Армена, не касается. Тем не менее вся страна в курсе интриги.

Виталина надолго задержалась возле маэстро.

Со стороны Армена это была любовь, можно не сомневаться. Армяне предпочитают блондинок. И не только армяне.

Со стороны Виталины это был бизнес, можно не сомневаться. Иначе зачем каждый вечер ложиться в постель со стариком, даже таким знаменитым и талантливым? Что, мало молодых? Много. Но с них нечего взять.

Для того, чтобы сделать сериал погуще, пригласили официальную жену Армена, ту, что записана в паспорте.

Обеспокоенная женщина прибыла из-за океана и уселась с главными героями. Жена – законная наследница. Наследственная масса под угрозой. Квартира уже уплыла.

Законная жена пребывает в третьем возрасте (от шестидесяти до девяноста), со следами красоты. Когда-то была красота в полном объеме, но это давно. Красота ушла, оставив следы.

Законная жена поносила Виталину последними словами. Виталина не реагировала, сидела с никаким выражением. Жена была в полтора раза старше и толще соперницы, из нее можно было выкроить две Виталины.

В чем преимущество законной жены? В том, что она законная, но они с Арменом давно проживают на разных континентах. Армен забыл, как она выглядит.

Виталина не отвечала на обвинения. Что можно ответить? И так все ясно. Одна молодая, другая старая. Одну Армен хочет, другую нет. Об этом не говорят, но все и так очевидно.

Я помню Армена молодым. Однажды он мне рассказал: случайно познакомился с молодухой, которая работала на Севере, плавала на сейнере, ловила селедку. Вернее, ловила не она, а только обрабатывала там же, на корабле. Адский труд.

«Интеллекта ноль, говорить не о чем, но тело...» – вспоминал Армен и замирал от воспоминаний.

Армен всегда ценил тело, и Виталина была для него как жемчужина с морского дна. Он, конечно, осознавал свой возраст, но имя, но талант... Однако талант – это днем и в театре. Талант обслуживает дух человека, а не тело. Видимо, Армен считал, что такие дополнения, как талант и популярность, покрывают разрушения возраста. Талантливый мужчина старым не бывает. Увы. Бывает и старым и мертвым. Только Ленин живет всех живых.

Драма Армена Джигарханяна очень точно отражена в стихах Михаила Лермонтова:

Ночевала тучка золотая
на груди утеса великана.
Утром в путь она пустилась рано,
по лазури весело играя.
Но остался влажный след
в морщине старого утеса.
Одиноко он стоит, задумавшись глубоко.
И тихонько плачет он в пустыне...

Точнее не скажешь.

Вот и Армен одиноко стоит, задумавшись глубоко. И скучает по своей золотой тучке.

Канал платит огромные деньги за каждую передачу. Ка-

нал платит за позор. Позор стоит дорого. Участники шоу соглашаются выгодно продать свою репутацию. Какая разница: что подумает какой-нибудь дядя Вася с кепкой? Зато на эти деньги можно жить год, если не слишком шиковать.

Вторая причина: пиар. Кто бы еще знал Виталину, кроме ее близкого окружения? Никто. А теперь знают все. Пиар открывает многие двери.

Виталине слегка за сорок, половина жизни пройдена. Осталось столько же. Пожелаем ей удачи.

У Булата Окуджавы есть хорошие строчки: «Как умел, так и жил. А безгрешных не знает природа».

Эти слова можно отнести к каждому, и к Виталине в том числе.

Армен Джигарханян умер.

Ему было восемьдесят пять лет.

Умер он в одиночестве, в тоске и в разлуке. Сдержанная Виталина плакала и смотрела вверх, чтобы слезы затекали обратно.

Наследство

Что такое наследство? Почему вокруг него такая возня? Деньги.

Деньги надо заработать.

Как это происходит у большинства людей? Я беру нормального среднего человека, который пять раз в неделю ходит на работу.

Что такое работа? Вставать рано утром, когда хочется спать, изо дня в день приходить на работу, занимать свое рабочее место, видеть вокруг себя сослуживцев, в том числе тех, кого не хочется видеть. Получать зарплату весьма скромную, отдавать долги... В двух словах: тратить жизнь.

Деньги – это время и усилия.

Сколько времени надо работать, чтобы скопить на хорошую квартиру? Пятьдесят лет? Сто? И вдруг – наследство. Ты совершенно даром обретаешь счастье, поскольку хорошее гнездо – это твое пространство, твое достоинство, иное качество жизни.

На первом канале в передаче «Пусть говорят» одна за другой проплывают истории с наследством.

Герои: Элина Быстрицкая, Сергей Пороховщиков, Людмила Гурченко, Людмила Зыкина, Гитана Баталова и другие.

У большинства нет детей, значит, нет отчетливых наследников. Появляются родственники плюс случайные люди и

устремляются в ожесточенную драку, сплетаясь в клубок, как собаки.

Драгоценности Зыкиной достались ее племянникам. Среди драгоценностей – серьги, музейная ценность. Серьги похожи на хрустальные люстры. Они покачиваются вокруг простонародного лица племянницы. Их цена дороже всей деревни, где проживает племянница. Куда она их наденет? В клуб на танцы?

Основные богатства перешли двум племянникам – Сергею и Георгию.

Сергей сгрел миллионное состояние в мешочек и ударился в бега.

Людмила Зыкина жила в нашем кооперативе «Советский писатель», и я помню, как возле ее ворот скапливались дорогостоящие машины. Это значит, у Зыкиной день рождения и съехались гости: маршалы, политбюро и прочая верхушка. Зыкина с ее пышными формами была во вкусе власти предрержащей.

Людмила Зыкина пела лучше всех народных певиц. Как правило, народные певицы поют открытым звуком, то есть немножечко вопят. Зыкина именно пела, и казалось, что поет русская душа.

Она дружила с Фурцевой – министром культуры. В поселке у нее друзей не было.

Я помню серьги в ушах Зыкиной: синие сапфиры в бриллиантах. И такое же кольцо. Сапфиры – огромные, как две

фасолины, бриллианты стреляют синими огнями.

Зыкиной шли драгоценности. Она стояла на сцене как императрица. Было невозможно представить себе Людмилу Зыкину в бижутерии из магазина «Власта». Драгоценности были равны ее таланту.

Она сама относилась к богатству скептически. Говорила: «С собой не возьмешь, и за тобой не понесут».

Именно так и получилось.

Еще одна героиня сериала – Элина Быстрицкая. У нее скопилось внушительное наследство и нет детей. Зато была верная помощница Ксения Рубцова. Ксения по возрасту годилась в дочери, и Элина Абрамовна обрушила на нее все свое нереализованное материнство. Ксения скрашивала одинокую жизнь актрисы. Создавала погоду в душе, как в Доминиканах – плюс двадцать пять градусов круглый год.

Без Ксении полярная ночь, Воркута. Сплошной мрак и думы о смерти, которая стоит за углом и подстерегает. «О одиночество, как твой характер крут» (слова Беллы Ахмадулиной).

Существует родная сестра Элины Абрамовны. Она живет в Израиле, четыре часа на самолете. Иногда прилетает в Москву. Прилетает и улетает. А жить надо дальше, каждый день.

Ксения рядом постоянно: подружка, дочка, помощница. Все вместе. Бесценный клад, упавший в руки.

Ксения строила загородный дом для Элины. Не сама, конечно. Руководила стройкой. А стройка – это неконтролируемые деньги.

Элина Абрамовна дала Рубцовой право распоряжаться своими деньгами. Ксения и распорядилась.

С моей точки зрения, это провокация. Когда в твоих руках деньги, утекающие как песок сквозь пальцы, невольно хочется отсыпать этого песочка в свой карман. Премия за Доминикану.

Ксения Рубцова так и сделала. Не ожидала, что из Израиля приедет родная сестра и наведет инспекцию, устроит аудит.

Все кончилось плохо. Ксения Рубцова села на три с половиной года. Колония-поселение плюс мощный денежный штраф. Грустный финал, а ведь Ксения взяла плату за взаимную любовь. Но суд в такие тонкости не вникает. Взяла – отвечай.

Сестра удовлетворена. У сестры в Израиле семья. Наследство пригодится.

Карантин. Границы закрыты. Моя помощница по хозяйству не может дожидаться замены, чтобы вернуться домой на Украину. Значит, должна сидеть в Москве. Но что же делать? Ничего. Никто не виноват.

Заболел пресс-секретарь президента. Вирус никого не щадит. Вирусу все равно на кого сесть и кого прихлопнуть.

Умерла вдова глазника Федорова, сама врач. Если уж она не увернулась, то увернуться невозможно.

Поступают полезные советы: если заболеешь, ложись на живот в позе лягушки. И пей аспирин, он разжижает кровь. В больницу не суйся. Больница – рассадник вируса.

По телевизору, наоборот, советуют мчаться в больницу. Самолечением не заниматься.

Я сижу за забором, дышу свежим воздухом. Мне болеть нельзя, поскольку я отношусь к группе риска. Но я не боюсь почему-то. Мой внутренний голос молчит и нечего не говорит, ни о чем не предупреждает. Для меня по-прежнему все происходящее как война в Сирии, хотя сейчас уже разразилась война в Карабахе.

Я всю жизнь чего-то добивалась: любви, славы, богатства. А сейчас мне ничего не надо. Я не хочу ничего. Видимо, я переросла свои желания. Наступил покой, как после бомбежки. Бомбежка – это молодость.

Я никогда не жила так ясно и спокойно, как во время карантина.

Я пишу время от времени и каждый раз подозреваю, что это – последняя моя рукопись. «Еще одно последнее сказание, и летопись окончена моя. Окончен путь, завещанный от Бога мне грешному. Недаром долгих лет свидетелем Господь меня поставил и книжному искусству вразумил...»

С литературой происходят стремительные перемены. Отмирают книги, люди читают по планшету, слушают аудиок-

ниги.

Меня это не огорчает. Что же делать? Жизнь меняется. Но то время, которое досталось мне, было временем литературы. Я плыла в этом прекрасном океане, и не было занятия более интересного. Я и сейчас не согласна читать по планшету. Мне нужна именно книга, бумага, шрифт. Мне надо перелистывать страницы и слышать их шелест.

На мою жизнь хватило этого божественного труда: писать и читать. А что будет потом – это потом.

Мой поселок называется «Советский писатель».

Советские писатели вымерли, как мамонты от похолодания. Кое-кто остался. Их мало. Мои ворота оканчиваются решеткой, и за этой решеткой недвижно стояли кроссовки. Кто-то стоял и не уходил.

Я вышла за калитку и увидела нестарого мужика с рюкзаком на спине. Путешественник. Я спросила:

– Вам чего?

– Говорят, здесь живут потомки Токаревой.

– Ну, я потомок.

– Да? – удивился он.

Видимо, турист думал, что Токарева жила во времена Жорж Санд.

– А в конце этой улицы живут потомки Рязанова, – сообщила я.

– Да? Где?

Я показала пальцем, он пошел в указанном направлении.

Мою помощницу по хозяйству зовут Мила. Мила приехала из украинского села Васильково. У себя на родине Мила работала фасовщицей – фасовала товары: конфеты к конфетам, печенья к печеньям, пельмени к пельменям. Получала смешные деньги.

У нее в доме течет крыша. Она подставляет ведра и тазы. Когда дождь кончается, ведра убирают. Крышу надо перекрыть, но нет средств. Значит, можно жить так. Капли – не камни. Потечет – перестанет.

Туалет – в огороде. Зимой холодно выскакивать на улицу, но приходится. Значит, будет выскакивать.

Хочется купить мяса, но денег не хватает. Мила покупает апельсин в количестве одного. Цитрус. Замечательный запах плюс витамин С.

На Миле курточка ржавого цвета, как давленные клопы.
– А мне все равно, – говорит Мила.

Ей действительно все равно. И это спасение.

Я сделала вывод: надо мало хотеть. Мало хочешь, мало получишь. Все гармонично. И никому не надо завидовать, ненавидеть. И главное, не хочется ненавидеть.

Я смотрю на Милу, и мне становится спокойно. Можно довольствоваться малым. Не обязательно вставать на цыпочки и тянуться к груше, висящей слишком высоко.

Можно подбирать с земли то, что падает само.

– А у тебя есть мечта? – интересуюсь я.

– Есть. Я хочу замуж.

Мила хочет любви. Ей неполных шестьдесят, но она чувствует себя на тридцать.

– Это вряд ли... – сомневаюсь я.

– Почему? – уточняет Мила.

Только она знает, сколько в ней нежности и какая гладкая у нее кожа.

– Молодые сидят и кукуют. Не могут найти пару.

– Молодые не могут, а я найду.

И очень может быть. Найдет то, что под ногами. Я не удивлюсь.

Бог предпочитает скромных. Таких, которые умеют терпеть и ждать. Но пока что все по-старому. Заработанные деньги кончаются быстро, крыша течет, туалет в огороде разваливается.

На первом канале телевидения вспыхнул новый сериал: сладкая парочка Цивин и Дрожжина. Он – юрист. Она – актриса, играла микроскопические эпизоды. Сейчас – общественный деятель. Короче, лиса Алиса и кот Базилио. Пасут одиноких актеров.

Герои нового сериала: вдова и дочь Алексея Баталова. Гитана и Маша.

Гитану я помню. Мы познакомились с ней тридцать лет назад на юбилее Петра Ефимовича Тодоровского. Ему исполнилось шестьдесят лет. У нас родился общий внук, кото-

рого мы обожали бездонно. Глубину нашего чувства невозможно измерить. Это чувство пожизненное.

За столом я оказалась рядом с Гитаной.

Гитана – цыганка, сама красота. Красота бывает разная: броская, агрессивная, даже хамская. Красота Гитаны – тончайшая, благородная, изысканная. Представляю себе, что творилось с Алешей Баталовым, когда он увидел ее впервые на арене цирка, скачущей на лошади.

Мне кажется, Гитана и сейчас в свои немалые годы способна вскочить на лошадь, выдернуть саблю и порубить всех своих врагов. Так и будет. Почему? Потому что у нее есть стимул: Маша.

Маша – инвалид детства, но на некоторых удачных фотографиях заметно ее сходство с красавицей Гитаной.

За праздничным столом сидела также Лидия Шукшина с новым молодым мужем оператором Мишей Аграновичем. Лидия любит мужчин моложе себя, равно как и Нонна Мордюкова.

Миша Агранович – великолепен: талантливый, молодой, породистый – мечта всех актрис без исключения.

Василий Макарович Шукшин был антисемит, как и все почвенники. В деревне Сростки, где он жил, евреев не было, и он их не знал. Евреи в основном селились там, где тепло. И в Москве, само собой. В кинематографе евреев много, через одного.

Я подошла к Лиде и спросила:

– Если бы Вася увидел твоего нового мужа...

– Он бы меня убил! – воскликнула Лида.

Она была и есть искренний и открытый человек.

Лида в это время снялась в фильме «Трын-трава». Миша – оператор. Он так снял Лиду, делал такие ее портреты, что сразу было ясно: оператор влюблен. Фильм получился теплым и трогательным, он весь был пропитан любовью.

Гитана сидела возле меня грустная, тихая. Больной ребенок не позволял ей радоваться жизни на полную катушку. Алексею жилось легче. У него – профессия. Востребованность. Слава. Всеобщая любовь. А Гитана – один на один со своим несчастьем.

Мы выпили. Она сказала:

– Я думала, что Токарева курит и с перекрученными чулками. А вы молодая и красивая.

Я в тот момент была влюблена. Женщины хорошеют от любви. А еще на мне было серое шелковое платье, подаренное женой посла Швеции. Смешно помнить такие мелочи, а я помню. И того мужика, в которого была влюблена, – тоже помню. Ничего интересного, но любовь зла.

Гитана спросила меня:

– Хотите, вам погадает моя мама? Она настоящая таборная цыганка. Ей дано.

Я сказала:

– Хочу.

Гитана продиктовала адрес, но я не поехала. Зачем знать будущее? Лучше не знать.

По вечерам бурлит сериал, который запустила Гитана. Она выволокла на свет Цивина и Дрожжину. Они и не ожидали такой прыти от восьмидесятипятилетней. Но они ошиблись. Сколько веревочке не виться, все равно совется в кнут. Или завяжется в петлю. Больно ударит или убьет.

Цивин и Дрожжина – классические старушатники. Маша и Гитана – лакомый кусок. Стоит только руку протянуть. Цивин и Дрожжина – обеспеченные люди. И не молодые. Зачем им новая добыча?

Звери охотятся для того, чтобы поесть, утолить голод. Впрок они не охотятся. А Дрожжина с мужем охотятся именно впрок.

По всей вероятности, удавшаяся афера – это наркотик. Риск впрыскивает в кровь адреналин. Жизнь обретает краски. Но все-таки надо видеть, кого обдираешь до ребер. Даже в криминальном мире есть понятие «беспредел».

Гитана сделала кардинальский ход: позвонила Никите Михалкову. Никита – хозяин жизни. Для него невозможно-го нет.

Все замерли и ждут: чем кончится? Народ жаждет хлеба и зрелищ, как в Древнем Риме.

С тех пор в человеке мало что изменилось.

Началось расследование.

Выяснилось, что Цивин и Дрожжина черные риелторы. У них пятнадцать квартир, которые они отжали у одиноких стариков.

Сладкой парочке грозит немалый срок по статье «мошенничество».

На телевизионном экране показали Наталью Дрожжину в железной клетке.

Мне стало не по себе. Пожилую женщину, актрису, красавицу посадили в клетку, как серийного убийцу. Она мошенница, но не людоед из американского фильма «Молчание ягнят». Кто-то перестарался.

В конце телевизионной передачи объявили: «Подсудимую отпускают домой под подписку о невыезде». Это значит, что во время следствия она может находиться у себя дома и являться в суд по первому требованию.

Молодой мент, он же полицейский, достал ключ и отворил дверь клетки. Дрожжина вышла аккуратно, по-старушечьи. Она не поверила своему счастью.

– Спасибо! – вскрикнула она. – Спасибо! Спасибо!

Ее лицо осветилось счастьем, глаза сверкали сквозь слезы.

– Я сделаю все, что вы скажете! Я приду по первому зову. Спасибо! Спасибо!

Актриса осознала, что ночь она проведет не в камере с уголовниками, а у себя дома. В своей постели, с удобным ортопедическим матрасом. Утром она примет душ, закутается

в турецкий халат и выпьет чашечку кофе, а может, и две.

– Спасибо! – Старая актриса с подлинной любовью смотрела на мента.

Мне захотелось, чтобы Цивин и Дрожжина отделались условным сроком и весомым штрафом. Пусть отдадут назад все, что огребли несправедным путем. Пусть уверуют в Бога и отмолят свои грехи или хотя бы прекратят привычную деятельность.

В чем их ошибка? В жажде наживы. Они захотели больше, чем смогли проглотить. И подавились.

И еще одно: не надо было связываться с цыганкой.

Цыгане – это природа. Их не обманешь. Разве можно обмануть утренний туман, дорогу, реку?

Через три месяца Цивин и Дрожжина снова появились в программе у Малахова.

Они обзавелись правильным адвокатом, который грамотно разрулил все происходящее.

Имя этого адвоката – Кучерена. Он находится в первых рядах адвокатуры.

Я помню Кучерену по истории с дачным кооперативом «Рыбник». Ее широко освещали по телевидению.

Кому-то понадобились эти земли. Я даже знаю кому, но промолчу. И этот кто-то начал крушить существующие дома, вышвыривая людей на улицу. Лужков пообещал возместить квартирами, но люди не соглашались. Дом на земле лучше,

чем однушка в спальном районе.

Лужков объявил: «Я не люблю жлобов».

Народ вышел с плакатами: «Мы не жлобы», «Жлобы не мы». Их возглавлял молодой белокурый Кучерена.

Лужков обернулся к нему и спросил:

– А тебе-то какое дело? Какая тебе разница?

– Людей жалко, – простодушно ответил Кучерена.

С тех пор он мил моему сердцу.

Цивин и Дрожжина явились на передачу заметно похудевшие. Это их украшало.

В студии, как всегда, стоял хай, все перебивали друг друга. Малахов это любит. Видимо, хай – его фирменный знак: близко к жизни. Орут до хрипоты, перебивают друг друга, ничего не понятно. Такое впечатление, что некоторые скандалисты наняты за деньги, получают горловые. Они стараются до хрипоты, хочется засунуть им в рот кухонное полотенце.

Тем не менее в этом хаосе Кучерена разгреб себе пространство и доходчиво объяснил: невозможно назначить суд, поскольку Гитана Аркадьевна (жена Баталова) не идет ни на какие контакты. Ничего не подписывает. Никому не верит.

Однако Кучерена найдет выход. На то он и Кучерена.

Цивин держит слово с багровым лицом. Жилы надулись от напряжения. Как бы его не хватил удар прямо в студии.

Дрожжина сидела, аристократически бледна. Выделялись глаза, активно покрашенные, буквально японская маска. Она

всплакнула, намекнула на плохой анализ крови – угроза рака. Дрожжина – актриса, но здесь она не играла. Действительно, неприятно, когда тебя шельмуют на всю страну и ты сидишь по уши в человеческом презрении. Невозможно выйти из дома. Могут плюнуть в лицо. И все из-за полоумной Гитаны.

Я пришла к выводу. Правда – посередине. Цивин и Дрожжина не такие уж отпетые мошенники, какими их выставили. Но нет дыма без огня. К ним много вопросов. Кучерена разберется.

Что касается Гитаны – все очень просто. Человек – не черепаха, триста лет не живет. Гитане восемьдесят шесть, немало. Пора подумать: на кого оставить свою дочь в инвалидном кресле?

Гитана боится ошибиться. Можно понять: Маша – беспомощна, а вокруг плотным кольцом сидят шакалы и ждут добычи.

Жизнь груба и равнодушна. И никому ни до кого нет дела. Только слова.

Гитана это хорошо знает. Хитро заточенным людям Гитана не по зубам.

Еще одно спорное наследство – Людмилы Гурченко.

Людмила Марковна умирать не собиралась, поэтому завещания не оставила.

Наследники первой очереди: муж – продюсер Сенин и

дочь – Мария Королева, медсестра.

Судиться они не стали. Решили разделить наследство по-любовно. Я не вдавалась в подробности наследства, но знаю, что раздел был мучительным. Каждый хотел оттянуть себе кусок побольше.

После смерти Людмилы Марковны Малахов пригласил Машу на передачу «Пусть говорят».

Миру предстала пятидесятилетняя женщина, абсолютно неухоженная. Во рту не хватало половины зубов, под глазами мешки тяжело пьющего человека. От матери – ничего. Чувствовалось – ей нет до себя никакого дела, в отличие от Людмилы Марковны.

Примадонна получила от природы тончайшую талию – сорок восемь сантиметров – и прекрасные глаза.

Время шло и несло свои разрушения. Людмила сражалась со временем, как тореадор с быком. Она не допускала следов увядания, делала постоянные подтяжки. Эти подтяжки давали свои осложнения, мышцы уже не держали веки, но Людмила до конца оставалась примадонной и даже в гробу лежала как дорогая кукла. Ей сделал лицо первоклассный стилист, поклонник Людмилы Марковны. Видимо, они договорились заранее.

Внешность для актрисы – средство выражения. Это ее инструмент. А Людмила Гурченко – актриса милостью божией. Отец звал ее Богинечка. И был прав. Самым любимым муж-

чиной Людмилы Гурченко был ее отец. После смерти отца Людмила серьезным образом носилась с идеей воскрешения. Она хотела его воскресить.

Вернемся к передаче «Пусть говорят». Маше предложили спеть песню из «Карнавальной ночи». Согласилась. Поет мимо нот.

Мария Королева – ни в мать, ни в отца. Может быть, глаза Бориса, но трудно разобраться в чертах пьющего человека.

Я знала ее отца Бориса Андроникашвили. Мы одновременно учились в Институте кинематографии на сценарном. На разных курсах.

Люся Гурченко, юная и прекрасная, впервые увидела Бориса в столовой. Он вошел, и Люся уронила поднос с тарелками. Это был солнечный удар. Борис и в самом деле законченный красавец. В нем две крови: грузинская и немецкая. Его мать – грузинская княжна, отец – знаменитый писатель Борис Пильняк, расстрелянный в тридцать восьмом году. Ему было тогда сорок два года. Причина ареста: шпионаж в пользу Японии. В те времена такое обвинение было в порядке вещей.

Я не могу себе представить, что чувствовал человек в расцвете сил, когда его волокли на расстрел. Понимать, что умираешь, и не понимать – за что.

Какие страшные годы выпали нашим молодым родителям.

Грузинская княжна отправила маленького сына к своей матери, в Тбилиси, спрятала его под фамилией Андроникашвили. Носить фамилию отца было опасно. Красота обоих родителей передалась ребенку и умножилась. Борис красавец. Девушки висели на нем гроздьями. Юная Люся Гурченко увидела и сгорела. Ее предупреждали: не верь, не смей, но любовь зла. Люсе казалось: с другими он один, а с ней будет совершенно другой. У них все будет иначе.

Но иначе не получилось. После «Карнавальной ночи» Гурченко была нарасхват. Она колесила по стране с концертами, уставала, зарабатывала. А Борис ничего не делал. Сидел на ее шее, жил за ее счет. В пишущую машинку был вставлен чистый лист, и на нем красовалась одна-единственная фраза: «По дороге шел человек». А что за человек, куда шел и зачем? Все это оставалось невыясненным.

Люся работала, потому что она хотела работать. А Борис гулял, потому что он хотел гулять.

Талантливый человек – это человек действия.

Борис тасовал женщин как карты в колоде. Женщины – это его времяпрепровождение. Они заполняли день. Надо же чем-то его заполнить.

Кира Андроникашвили относилась к Люсе и ее родителям свысока. Она – княжеский род, а Гурченки – батраки. Но батраки родили примадонну, а князя – человека из массовки. Люся и Борис родили девочку Машу. И вскоре разошлись. Борис пять лет был гражданским мужем Нонны Мордю-

ковой. Все повторилось: Нонна зарабатывала, а Борис бездействовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.